

А я уже говорила, кто был среди них самым невыносимым? Если нам придется выбирать буквально самого дикого звереныша среди малышей, то им станет лишь Джереми. Пускай по виду и не скажешь, но из этой четверки он — самый нетерпеливый. Вместо того чтобы просто развязать веревку и узел на ней, он скорее просто перережет ее ножом. И если Элиас — это жеребенок, который еще не умеет контролировать свои силы и легко сходит с ума, то Джереми больше близок к зверю, который первым делом кусает, а затем думает.

Ха, этот неуживчивый пацан, должно быть, меня ненавидит, ведь из-за меня ему придется ждать еще семь лет, прежде чем получить титул. Но в этом ведь не обязательно должна быть виновата я.

А, точно! Герцогиня Генрих — прекрасная девушка, невольно вынуждающая бесчисленное количество молодых людей страдать от жара любви, девушка далеко не низкого положения в плане семьи и репутации. Она обручилась в семнадцать лет, и при этом четыре года откладывала свою свадьбу. Интересно, почему?..

В любом случае, прожив бок о бок с этими непослушными львятами почти десять лет, я не собираюсь так легко меняться и подстраиваться под них. Благодаря им, я уверилась, что теперь мной не так просто будет управлять.

В общей сложности в огромной, преисполненной солнечного света гостиной собралось восемь человек. Ну, исключая меня — семь: граф Мюллер и его жена, маркиз Фридрих, граф Бенслер и его жена, и, наконец, сэр Валентино и графиня Лукреция.

Если не принимать во внимание возраст деверей, то графиня была на семнадцать лет старше меня. Так что вы все правильно поняли: все эти люди собрались, чтобы на меня надавить!

Все прямо, как я и помню. Сцена, в которой дикие звери окружают перепуганного кролика. Одного короткого рычания будет достаточно, чтобы нагнать на малыша страху. Первым заговорил граф, и он будто бы забыл о небольшом конфликте на похоронах:

— Прошло уже столько времени с тех пор, как мы все вместе здесь собирались, мне прямо молодость вспомнилась. Мой брат очень дорожил поместьем, где мы все вместе выросли.

— Хаха, вы и старший брат всегда доставляли нам одни неприятности.

— Да. А вы тем времени постоянно бегали к родителям и жаловались на нас.

— Вы закончили свою прогулку по закоулкам воспоминаний? У меня, вообще-то, много работы, — стоило мне заявить подобное, как все присутствующие уставились на меня. В прошлый раз вид взвешивающих на меня зверей выбил меня из колеи, но сейчас я уже ничего не чувствовала. Спустя годы общения со свирепыми львятами кто угодно ожесточится и заматерееет.

Нарушив удушающую тишину, граф Мюллер, внимательно наблюдающий за моим равнодушным лицом, открыл рот:

— Леди Нойванштайн, я заранее с уверенностью хочу сказать, что мы собрались здесь отнюдь не потому, что не верим в вас, не поймите неправильно. Мы, скорее, беспокоимся.

— Беспокоитесь?

— Как вам известно, род Нойванштайн — самый уважаемый среди аристократов империи. А вы так же молоды, как и дети этой семьи.

Звучало так, будто ему искренне жаль. Поэтому я осторожно прикусила губу и опустила взгляд, будто бы тронутая его добрыми словами:

— Я не понимаю, из-за чего вы так беспокоитесь.

— Разумеется. Все собравшиеся здесь встревожены тем, что какой-нибудь ужасный человек может соблазнить вас, еще совсем юную леди, и опорочить гордое имя Нойванштайн. Прошу простить меня, мадам, но вы когда-нибудь бывали на общественных мероприятиях?

— ...Три или четыре раза.

— Страшнее дам высшего общества могут быть лишь их мужья. Мужчины... никогда не позволят юной девушке заседать в палате лордов, даже если она следует воле своего мужа. И это значит, что для них четырнадцатилетний мальчик будет стократ лучше.

Так и есть. Разве я уже не испытала это на личном опыте?

Палата лордов заседала раз в месяц, если только не обсуждались срочные вопросы, связанные с войной или императорской семьей. Она состояла из глав некоторых наиболее известных дворянских родов, а также выдающегося кардинала, брата императрицы — герцога Нюрнберга. Даже Император или Папа Римский едва ли могут игнорировать мнение палаты.

Да разве позволили бы они мне, вдове, занимать место в палате на встречах подобного уровня?

Впрочем, они не сразу меня оттолкнули.

Вооруженная посредственными манерами, но несравненным достоинством, я искренне улыбалась им. И вскоре они приехали на слушание по расследованию достоверности завещания моего почившего мужа — слушание, что было даже на устах всех актеров уличных театров. Если бы император не вынес решение в мою пользу, герцог Нюрнберг лично бы выступил вперед, сославшись на авторитет личной подписи маркиза и поставив под вопрос

истинные намерения, скрывающиеся за этим слушанием — а в противном случае меня бы лишили моей власти. Понятия не имею, почему император и герцог встали на мою сторону. Даже в прошлом, что бы ни случилось, они никогда не бросали меня в беде.

В любом случае, если бы граф Мюллер высказал свой совет исключительно из соображений беспокойства, я бы покорно притворилась, что принимаю его. Они бы предпочли убить меня или попросту от меня избавиться, но ради их выгоды я должна оставаться в живых — жить и двигаться, как они того желают.

Ведь если я умру, то все заберет себе императорская семья.

Им нужно было защитить меня ради собственной выгоды и интересов. Ну разве не отвратительно?

Но на что они больше всего надеялись — так это на то, что я, как молодая вдова, буду оказывать им поддержку и помощь после того, как их брат передал мне всю власть. Такая ситуация их вполне устраивала. Иначе они выдали бы меня замуж за кого-то, кем они смогут управлять. Не редкостью было когда юная жена, потерявшая своего мужа, превращалась в марионетку его родственничков. И дело здесь было вовсе не в возрасте, а, скорее, в опыте и связях: неважно, насколько велик был ваш статус и родословная — нельзя было недооценивать опыт, приобретаемый с течением времени.

<http://tl.rulate.ru/book/96828/1904830>